

Центр женских исследований (ИСИТО)

Серия: Культура. Власть. Различие.

ЖЕНЩИНА НЕ СУЩЕСТВУЕТ:

Современные исследования
полового различия

Под ред. И. Аристарховой

Сыктывкар 1999

Contents

<i>Editor's Introduction</i>	7
I. Theories of Sexual Difference	
<i>Svetlana Yaroshenko. En route to Russian Feminist Theory</i>	15
<i>Irina Aristarkhova. Does The Woman Exist?: Introduction to Theory of Sexual Difference (Luce Irigaray)</i>	24
<i>Bodily Materialism, Sexual Difference and Cyberfeminism. Interview with Rosi Braidotti by Irina Aristarkhova</i>	32
<i>Feminist Heritage: Art and New Fields of Intervention. A Round Table Discussion. Faith Wilding, Maria Fernandez, Irina Aristarkhova</i>	53
II. Representations of Sexual Difference	
<i>Elena Omelchenko. From "Sex" to "Gender"?: An analysis of Discourses on Sexuality in Russian Teenage Magazines</i>	77
<i>Sergei Ushakin. Appearance of Masculinity</i>	116
<i>Elena Tshavskaya. Love for Men, War for Women</i>	132
III. Different Methodologies, Different Strategies	
<i>Marina Kiblitckaya. "Writing Diaries" : Live Strategies of Single Mothers</i>	143
<i>Irina Aristarkhova. Cyberjouissance: A Sketch for a Politics of Pleasure</i>	159
<i>Contributors</i>	171

Translated by Irina Aristarkhova

ФЕМИНИСТСКОЕ НАСЛЕДИЕ: В ИСКУССТВЕ И В НОВЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

Круглый стол с участием Фэйт Уайлдинг, Марии Фернандез и Ирины Аристарховой

Ирина Аристархова: В книге "Сила феминистского искусства" одна из авторов цитирует известного нью-йоркского критика, заявившего, что женщины продают мало живописи, так как они все занимаются перформансом и инсталляциями, и что это нормально - ведь феминистки показали, что живопись основана на "мужском взгляде" и поэтому требует особого мужского удовольствия от просмотра и визуального. И желаемый вывод как бы сам собой разумеется: женщины не могут писать хороших картин!

Фэйт Уайлдинг: Уже какое-то время ведется дискуссия о том, что женщины просто не созданы для живописи. Всегда будет какая-то проблема: исторически они не развивали мастерства, экономические факторы... т. д. И Питер Шелдел, многолетний критик-искусствовед из журнала "Village Voice" (и настоящий мизогинист / женоненавистник), написал то же самое исходя из мнения, что женщины не получают основного наслаждения от визуального. Им более соответствует "прикосновение" и вообще осязание.

Мария Фернандез: Это также относится и к некоторым литературным дискурсам. Социально-экономические объяснения, подобные тем, которые развила в своей классической статье "Почему не было великих женщин в искусстве?" Линда Ночлин, превращаются в своего рода "естественные" истины.

И.А. В этом смысле мне достаточно сложно преподавать курс по теории феминизма и феминистской эстетике в институте искусств. Когда молодые студентки спрашивают, что я думаю об их желании использовать шитье для курсовой работы по изобразительному искусству для того, чтобы "придать ценность женским средствам творения", я стараюсь побудить их задуматься о проблематичности того, что они понимают под "женским" в этом смысле. Если бы я была художницей, то для меня вопрос бы состоял в другом, а именно: что из того, как развива

лась и производилась живопись до сих пор, "не мое", но при этом без определения живописи как "по сути своей мужского" творчества. Не превращать живопись в нечто сущностно "женственное" из сущностно "мужественного", но отбирать из нее то, что принадлежит мне. Сегодня я вообще нахожу аргумент о визуальном наслаждении довольно спорным.

Ф.У. Мира Шор давно занимается формулированием феминистской территории для живописи, и ее известная книга "Влажное" - один из примеров такой работы, где она подробно обсуждает вопрос о визуальном наслаждении. Английские марксистские феминистки и историки искусства, подобно Гризельде Поллок, Розике Паркер и Мэри Келли, установили своего рода закон в восьмидеяты́х годах о том, что женщины не должны рисовать; они должны использовать брехтинские тактики эффекта *Entfremdung*, фотографии, текст и перформанс, а не "вскармливать" мир этим визуальным наслаждением, этой "эротической живописью". Мне кажется, что такой закон давил на многих женщин в искусстве.

Несмотря на это именно художницы восьмидеяты́х стали довольно известны. Например, Синди Шерман, которая, с моей точки зрения, как раз заигрывает со своего рода наслаждением у "мужского взгляда" от смотрения. Я довольно критически отношусь к некоторым стереотипам, которые она вложила в свои работы. Барбара Крюгер, Синди Шерман и Элизабет Марей стали очень известны. Сегодня, в девяностых, многие женщины возвращаются в станковую живопись и в так называемое рисование для удовольствия, а также в абстракцию; но часто это сводится к квартирной оформительской живописи.

И.А. Похоже на то, что несколько женщин были выбраны в качестве "успешных представительниц", которые кочуют из каталога в каталог, что позволяет игнорировать "остальных" - обычная тактика традиционного "делания дел" в искусстве.

М.Ф. Я тоже замечаю, что все больше женщин отвоевывают сегодня живопись. В дополнение к этому в девяностых с новой силой встает вопрос о технологии, в которой женщины принимают участие. В Соединенных Штатах, начиная с 1989 года, большинство учебных мест по искусству открывают отделения новых медиа, и женщины составляют там не менее половины учащихся. Конечно, мы не видим такой пропорции на национальных выставках, но их участие в технологических формах искусства увеличивается. Возникли благоприятные условия для поступления девушек на факультеты компьютерной графики и новых медиа в духе аргумента Сэди Планта о том, что технология является "исторически женской" сферой. Хотя этот аргумент сам по себе требует

внимания и осторожности, гораздо больше девушек приходят сегодня в новые технологии и медиа.

Ф.У. Это случилось и в начале 70-х с перформансом и видео, когда женщины стали развивать эти средства выражения также и для того, чтобы дистанцироваться от "мужской (консервативной) территории живописи". Перформанс и видео не имели такой долгой традиции, как живопись, и поэтому являлись новой территорией, где традиции могли бы быть созданы и определены. Так, женщины во многом определили то, чем перформанс или видео могли стать. Когда я вернулась в Калифорнийский Институт Искусств, который прошлой осенью справлял 25-летие Программы по Феминистскому Искусству, мы устроили просмотр сделанных нами в семидесятых видеоматериалов. Отклик был необычайным: наши видео были такими злободневными, смелыми, интересными, такими качественными. Студентки говорили: "Мы не знали, что вы были настолько радикальны и инновационны, и мы хотели бы этому учиться, этой традиции". Эта новая территория и технология позволили многим женщинам попробовать себя в создании экспериментального искусства доселе неизвестными средствами.

И.А. В книге "Концептуальное Искусство" для меня было любопытно прочитать в разделе по женскому и феминистскому искусству, что очень мало женщин работали в жанре концептуального искусства - и, видимо, поэтому этой теме уделена только пара страниц в мемуентального размера томе. На самом же деле я всегда рассматривала радикальных женщин в искусстве как основоположниц того, что сегодня мы называем "концептуальным искусством". Другой вопрос - почему так мало из них "остается" в книгах по концептуальному искусству или попадает в преподаваемую в вузах историю искусств, что отмечала и Люси Липпард?

Однако я припоминаю, что при зарождении русского формализма (если сравнивать его с другими странами) было много вполне известных и состоявшихся художниц, остающихся знаковыми фигурами и сегодня, - хотя многих и отправили за борт искусствоведения. Формалистские традиции среди женщин перешли в концептуальное феминистское искусство, несмотря на то, что этот переход практически не исследуется в принятой истории искусств. Мне бы хотелось акцентировать это наследие (часто замалчиваемое). Поэтому я спрашиваю: являются ли подобные заявления (бес)сознательным решением оставлять без серьезного внимания женщин в искусстве и/или мстить феминистскому движению такими утонченными и отточенными средствами?

М.Ф. Причина, по которой я нахожу известное эссе Линды Ночлин спорным, заключается именно в этом вопросе - в том, что она не затрагивает традицию, в рамках которой пишется история искусств. Как ис-

кусствовед и историк я хорошо знакома с тем, что многих женщин в истории искусств просто “забыли”. Когда это служит каким-то целям, они ненадолго “воскрешаются”. Так случилось, например, с Лигией Кларк. Она яркий пример концептуальной художницы, которая не имеет никакого места в традиционной истории искусства. Она была совершенно из нее стерта.

Ф.У. Начиная с середины семидесятых огромная работа была проделана по возвращению женских имен и карьер в искусстве. Молодые искусствоведы, историки и теоретики также исследуют работу тех женщин, имена которых стали известны 25 лет назад, и мне лично это кажется очень важным, так как в среде историков работа такого рода редко ведется - ведь эти художницы все еще живы, а предпочтение же отдается умершим “мастерам” - необходимо умереть, что бы о тебе написали!

Действительно, значительные тексты написаны по истории раннего феминистского искусства и движения. Например, Элен Моулсворт специализируется на теме отношения к “домашней сфере” в искусстве. Она контекстуализирует и ре-контекстуализирует вопросы “частного” у Душана, Мэри Келли, Мерли Укелес Лэдерман и других, помещая их в срез определенной истории живописи с феминистской точки зрения и внутрь социальных отношений между общественным и личным. В мире искусства вопрос о влиянии - определяющий. Ты считаешься важной только тогда, когда можешь доказать, что повлияла на других художников и на создание новой школы в искусстве.

М.Ф. Это верно. Поэтому понятие влияния также еще ждет своего переосмысления, так как оно связано с историей колониализма: большинство художников/героев - выходцы из традиционных колониальных столиц. Например, если рассмотреть историю европейского авангарда - в нем было представлено много латиноамериканских художников, являющихся составляющей его частью, влияние которых было абсолютно стерто. Необходимо воссоздавать социальные и профессиональные отношения художников.

Ф.У. Сюрреалисток также “не заметили”. Я была удивлена, прочитав, как же много из них работало рука об руку с “известными” нам сюрреалистами (а не только являлось их “смутными объектами желания”).

И.А. Даже сегодня большинство из смотрящих на произведение искусства удивляются, если его автор - женского рода, так как в канонах искусствоведческого дискурса род художника по умолчанию - это мужской, а женский все еще выступает “особым случаем” или объектом взгляда. Как вы знаете, в феминистской теории мы часто утверждаем,

что присутствует традиция мужского дискурса, когда мужчины опираются на сочинения других мужчин, таким образом обосновывая свои исключения или фиксируя значения "женского". Однако когда я работала над одной из своих диссертационных глав, посвященной классикам социальной теории, то пришла к выводу, что женское движение XIX века в гораздо большей степени повлияло на развитие позитивизма и интерпретивизма в социологии, чем это обсуждается даже в феминистских исследованиях по истории науки. Стало ясно, что мужчины в науке призывают на помощь слова Аристотеля и/или Платона о женщинах именно тогда, когда они затронуты женскими достижениями и женским присутствием в своей жизни: так случилось с Контом, Вебером, Парето, Дюркгеймом и другими. Таким образом, их теоретическая нетерпимость к половому различию происходит не только и не столько от "отцов" христианской философской традиции, а обусловлена "обыденной / бытовой" борьбой против живущих женщин, женщин в своей жизни, чье присутствие переживалось ими как "излишек", от которого они все же не могли отказаться. Они были зависимы по многим показателям и ненавидели эту зависимость. Их неспособность продумывать и признавать половое различие, их отвергание и зависть / ревность к окружающим их женщинам находили свое воплощение через насильственную амнезию в "муках по традиции отцов". В такой ситуации они искали поддержку у так называемых "великих мужей", о которых узнавали в европейских университетах в бытность студентами. Поэтому когда я читаю классиков социологии, цитирующих друг друга о "природной сути женщины" или "женской иррациональной натуре", то для меня это отказ признать присутствие и воплощение женской жизни, это то, что Иригари называет "долгом мужского рода перед женским" в западной традиции.

М.Ф. Мне кажется, что очень важно постоянно возвращаться к тому, как появляется и канонизируется история в искусстве и в науке.

И.А. Теперь мне хотелось бы перейти к теме того, что можно назвать феминистским наследием последних десятилетий. Во многом вы представляете это наследие, и я собираюсь спросить вас о стратегиях феминистской истории. Мне как феминистке из России важно помнить как минимум о двух уже существующих открытиях мирового феминизма: во-первых, внимательности к вопросу о половом различии и, во-вторых, внимательности к вопросу о различиях между женщинами. Это довольно сложно, так как российский разнородный контекст видится все еще очень однородно как западными исследователями, так и самими русскими женщинами. Часто в России мы себя определяем по контрасту с западом, с одной стороны, и по контрасту со своими этническими меньшинствами - с другой. Поэтому мой вопрос будет таким: чтобы вы

подчеркнули как важное для возникновения этики феминистского Я, открытого к множеству знаковых различий между женщинами? Прежде всего в истории идей и в искусстве - институционально и интеллектуально.

Ф.У. Конечно, нам есть что сказать по этому поводу. Одной из моих стратегий всегда было образование и подчеркивание важности образовывать людей, особенно молодых, по вопросу о женских традициях и половому различию. Также и о том отношении, которое женская история получает - социально и интеллектуально. В этом смысле чем раньше начать - тем лучше. Ко мне приходят подростки, которые не читали ни одной писательницы, они не знают основных женских имен в литературе и/или искусстве. Возможно, кто-то слышал о Фриде Кало, но не знаком с историей ее тематики. Это не только обучение тому, что художницы существуют, и перечисление их имен, это также и преподавание всего контекста: социального и политического, образовательного и особенно контекста "полового различия". Я обязательно преподаю курс "Феминизм и Искусство", так как он позволяет проговорить две параллельные темы: с одной стороны, я могу обсуждать то, почему жизненные и профессиональные траектории художниц принимают определенные формы; с другой стороны, можно учить тому, как их расположить в общем контексте и какие проблемы здесь возникают. Я не думаю, что вопрос контекста можно отделить от вопроса о занятии искусством. Именно поэтому вопрос о преподавании, об обучении, остается таким важным, ведь все радикальные исторические движения так быстро теряются. В каком-то смысле сейчас я начинаю все заново с группой девушек - мы сформировали организацию (SubRosa) для занятий искусством и литературой, для учебы и обсуждений темы полового различия и того, как оно проигрывается день за днем в обыденной жизни.

Я полагаю, что сегодня нам необходимо обратить внимание на новые вопросы, связанные с технологией и с тем, как новые технологии влияют на различие - половое и гендерное различие. Мы работаем над проектом на тему эксплуатации полового различия в новых биотехнологиях и какие это имеет для нас последствия. Для женщин принципиально важно задумываться и лидировать по вопросу об использовании новых технологий: кто их использует и как они на нас воздействуют. Помимо моего преподавания и литературной деятельности, я являюсь художницей и считаю очень важным создавать художественные "образы", перформансы и т.д.

И.А. Я согласна с тем, что сегодня для женщин в искусстве довольно несмотрительно не работать над связью между производением искусства и феминистской теорией, прежде всего для выживания как художницам. В этом лидирует вопрос о том, насколько половое различие

может стать местом артикуляции и возможности других различий - что активно дискутируется в современной мировой теории (Деррида, Спивак, Иригари и другие). Однако из истории феминизма мы учимся, что "быть женщиной" еще не значит быть внимательной к другим значимым различиям, особенно будучи женщиной привелегированного положения в конкретной ситуации.

М.Ф. Я довольно давно задумываюсь над тем, как обращаться к этим вопросам в своей практике. Я согласна с Фэйт по поводу образования. Преподавательская практика все более убеждает меня в том, что это не просто вопрос об обучении первокурсников о важности понятий о значимых различиях - для них уже слишком поздно. Культура вводит детей в [дискурс и практику] различия с момента их рождения. К трем годам дети в США уже прекрасно осведомлены о роли и значении конкретных различий и об устойчивых ассоциациях и реакциях, с ними связанных [класса, расы, этничности, возраста, дееспособности, и т.д.]. Поэтому и образование по этому вопросу должно начинаться как можно раньше.

Я использую несколько тактик при преподавании курса по истории искусства в колледже. Одной из моих задач было обсуждение методологических построений, считающихся самими собой разумеющимися у историков - например, конструкций "нация" и "этничность". Читая курс "Введение в историю искусства" я не только обращаю внимание на художников, на их работы и на социальный контекст, но также анализирую роль Европы в конструировании той истории, которую мы учим. Вопросы здесь следующие: откуда возникают европейцы? Откуда появляется эта чистота понятия, к которому мы так привыкли? Затем мы обращаемся к захватам и переселениям: что они означают по отношению к понятию о чистоте и красоте? Так я начинаю деконструировать некоторые ключевые понятия. Впоследствии я перехожу на другие средства, на педагогический уровень. Для того, чтобы обучить ценности различных эстетических традиций, необходимо деконструировать само понятие традиции. У меня есть студенты, которым по 23 года и которые спрашивают: "А почему мы изучаем Африку? Это же не искусство!"

Поэтому даже на самом общем уровне необходимо подходить к вопросу о половом различии только контекстуально. Все эти универсалистские всеобщие понятия принесли большой ущерб развитию женской солидарности, истории и теории искусства. Не все подходят для этих понятий, которые заявляют о своей всеобщности. Именно поэтому очень важно контекстуализировать и говорить об этой необходимости. Вещь, на которую я постоянно обращаю внимание и которая постоянно выпадает из внимания даже женских групп, - это вопрос о том, как мы проживаем рядом друг с другом в нашей обыденной жизни. Часто даже поднятие этого вопроса принижается по отношению к теории, однако

только так мы может начинать: если мы не знаем, как относиться друг к другу здесь и сейчас, где мы трое сидим, если у нас проблемы и мы их замалчиваем, то мы не можем их не замалчивать и на других уровнях! Нам снова необходимо вспомнить о важности образцов социального поведения и политики в обыденности, день за днем.

Ф.У. Это то, чему было уделено ключевое внимание в начале семидесятых в группах по поднятию женского самосознания: столько вещей там зародилось и вопросов, относящихся к обыденности. Как женщинам работать вместе? Часто наши встерчи были болезненны. Многие женщины в результате размышлений над своей жизнью и ее осознанию оказывались в кризисе. Часто это выражалось через всеохватывающий гнев, особенно кагда открываешь, что сама была сообщницей в своем собственном унижении, что была составной частью этого процесса самоуничтожения, - приходили грусть, ненависть и отчаяние. Однако факт того, что мы это делали вместе, позволял, сразу же что-то предпринять для проработывания этих чувств, например, организовать крупную уличную демонстрацию или перформанс. Это ощущалось как акция, как действие, которое мы могли воплотить - начать женскую галерею, женский кооператив, центр реабилитации жертв насилия. Я думаю, что важно после осознания своего унижения и подавления иметь социальный и политический контекст, когда ты знаешь, что можешь предпринять по этому поводу многое и конструктивное.

И.А. Одна из моих студенток по Феминисткой Теории, зрелая женщина, сказала в классе, что она была шокирована, осознав, как она участвовала в стратегиях по своему "одомашниванию" к определенному гендерному порядку. Она не рассматривала прожитые годы как "выброшенные" - негативно, она была счастлива в семейной жизни, но это был принципиальный вопрос о ее собственной субъектности и ее собственном существовании. Она сказала: "Я рада быть рожденной, и не важно, - когда это произошло".

М.Ф. Однако мне хочется отметить, что женский анализ личного контекста как способа политического действия практически остановился. Обсуждения этнического различия между женщинами, например, по большей части исчезли. Я также постоянно напоминаю, что значение самоанализа по вопросу о доставшихся нам гендерных ролях (который был таким важным), не распространился в достаточной степени на анализ социальных ролей, лежащих в самом сердце наших идентичностей. Этот процесс самоанализа происходит, однако мы не хотим сталкиваться с обнаружением того, как мы в действительности способствуем уничтожению других теми же способами, которые на словах презираем. Всегда легче думать, что расисты и обидчики, о которых мы читаем в газетах, - неприятные люди, не имеющие ничего с нами общего. Прин-

ципиально необходимо создавать союзы между различными женскими группами даже на самых местных уровнях. Каждая из нас, независимо от класса или расы, сегодня находится под воздействием современных структур капитализма и био-технологий. Поэтому нам еще предстоит много предпринять по вопросу о наших различиях и истории.

И.А. Для меня важно в процессе деконструкции такой истории находить пути к позитивным осям поддержки для женщин, символически и институционально, чтобы они позволили им не исчезать в бездне революции - хотя как вы знаете, что по отношению к России революционная риторика прожолгает кружить голову многим. Предлагать разрушение культуры со стороны женщин - это другого рода истерия, путь в никуда и в ничто. Что бы вы предложили в качестве позитивного фундамента для строительства женских генеалогий? Необходимо задумываться над тем, как себе помочь - ведь нашу ярость уже начинают использовать против нас, против нашего становления.

Что касается соучастия в собственном уничтожении, о котором вы сказали, то здесь мне всплывают слова Дерриды по поводу распространенных поисков фашизма у Хайдеггера или Ницше, когда эти мыслители обвиняются в "своем фашизме". Деррида указывает на то, что имело место широко распространенное соучастие и сочувствие относительно фашизма в Европе, и поэтому наши старания сместить собственную ответственность за такое соучастие превращаются в обвинения отдельных фигур (или немцев как нации в целом). Такие рассуждения как бы освобождают других европейцев от того, чтобы рассмотреть как собственное ежедневное сочувствие фашизму, так и сложность этого вопроса в применении к Хайдеггеру, например. Некоторые из моих интервью с пожилыми женщинами в России показывают, что многие женщины во время второй мировой войны склонялись к земле при приближении немецкой армии, ожидая Гитлера и его солдат как освободителей от ненавистного им коммунистического атеистского режима: Русские женщины, видящие в Гитлере своего освободителя - этому нас не учили в советской школе (впрочем, как и многому другому - к вопросу о написании и переписывании истории).

Нам, женщинам доминантной этничности, следует еще много пере-думать. Так много говорится о "белых мужчинах", однако тот самоанализ, о котором говорила Мария, был в основной своей массе пропущен белыми женщинами, которые часто в гневе на тех, кто поднимает вопрос об их соучастии в расизме, например. Всеохватывающие понятия патриархата или угнетения часто служат в феминизме как своего рода *carte blanche* по исключению обсуждений нашего собственного расизма, фашизма и других заявлений о своем превосходстве, когда мы утверждаем, что "власть" всегда находится где-то еще - у мужчин, например, что дает нам право, как "власть неимущим", на осуждение.

М.Ф. Довольно много написано о соучастии женщин в расизме - "Женщины Ку-Клус-Клана" один из примеров и мне снова здесь хотелось бы подчеркнуть важность ежедневных практик. В одной из статей были проанализированы профессиональные встречи женщин, работающими в области права и культурных исследований. На уровне обсуждения все были согласны с тем, что расизм - это плохо, и что мы должны признавать различие, но на практике белые профессионалки замалчивали или просто игнорировали цветных женщин на телесном уровне часто без осознания происходящего. Присутствовали явные несоответствия между идеологией и телесными практиками, общением телом к телу. В этой статье подчеркивалось наследие нашего телесного социального поведения - как просто что-то заявлять в теории и очень сложно воплотить такие заявления. Традиции передаются через тело, и я не думаю, что колониализм или расизм здесь представляют исключения. Другая проблема - предположение, что цветные женщины не участвуют в расистских традициях, - а это не так.

Ф.У. Мы работали с женщинами в индейской резервации из Калифорнии, и я еженедельно навещала одну из женщин. Мы разговаривали о традициях и о том, как ее ребенком отправили в католическую школу и как ей запрещали говорить на родном языке. Это был трудный опыт - жить в резервации в ужасных условиях, с болезнями, алкоголизмом и разрушенными семьями. Но потом она стала говорить о черных и о том, как она их ненавидит. Она считала, что они получают все внимание и всю помощь белых, в то время как на индейцев не обращают внимания. Тогда я осознала, что мы склонны к эссенциализированию (фиксированию врожденной сущности) угнетенных "других", не видя их собственного расизма, в свою очередь.

И.А. Да, мы склонны романтизировать именно тех, к кому, как нам кажется, мы "хорошо относимся" - как "благородный дикарь" у Руссо.

М.Ф. Это то, что моя подруга называет "мягким гением расизма". Он не только служит удерживанию этих групп под контролем, но также и воспитанию в них взаимной ненависти: "разделяй и властвуй".

Ф.У. Особенно это касается США, где различные меньшинства поставлены в ситуацию соревнования друг с другом и ненависти друг к другу ради звания самых угнетаемых и получения большего внимания белых. Вопрос о теле, как его ставит Мария, очень важен. Я думаю, что именно таким плотским образом все тактики исключения проиграны и в материальном, и в символическом смыслах.

М.Ф. И часто бессознательно для тех, кто исключает других.

Ф.У. Именно. Мне кажется, что вопрос о теле всегда находился в

фокусе феминизма, его искусства и его теории. Этот фокус должен акцентироваться еще больше сегодня, так как все эти рассуждения о виртуальности и "считыванию сознания" с компьютера рассматриваются некоторыми феминистками как "момент надежды". "Наконец-то мы можем освободиться от этого ужасного тела", - так Шуламифь Файерстоун писала об этом. Поэтому я полагаю, что с помощью новых средств (для меня принципиально важными являются новые биотехнологии и медикализации женских тел в крупном масштабе) женское тело снова проигрывается и используется как территория, очень похожая на полигон для военных испытаний. И на самом деле - биотехнологические и генетические исследования напрямую связаны с военными экспериментами и испытываются на солдатах и на женщинах. Они выступают двумя основными телесными территориями для экспериментов*.

И.А. Здесь снова проигрываются разноплановые последствия деления на человеческое и животное (вводимое как не-человеческое, как низшее по отношению к человеческому). Солдаты часто определяются как "мясо": они должны потеть, должны выполнять приказы "не думая". Также было много уже написано по устанавливаемой связи между женским телом и животными. И все - таки эта связь остается недостаточно исследуемой в теории феминизма, особенно принимая во внимание растущее взаимодействие между женскими и экологическими организациями, а также теоретическую работу экофеминизма.

М.Ф. Мне также кажется, что недостаточное внимание к этим вопросам в теории объясняется довольно прозаически - эксперименты ведутся по большей части на женщинах из меньшинств, на бедных, на одиноких матерях, на тех, кто живет далеко от "центров". Так, многие американские эксперименты проводились не в США, где они запрещены законом, а в Пуэрто-Рико. Это действительно гибридная территория, и для экспериментов были выбраны женские тела - латиноамерика-

* В то время как я работала над этим текстом, один из телевизионных российских каналов показал документальный фильм о наземном испытании ядерной бомбы в Оренбургской области в пятидесятых. Ученые, военные и правительство "воспользовались" своим испытанием также и для замеров последствий взрыва на "живые организмы". От эпицентра разместили три круга "подопытных". Ближайшую полосу составили пригнанные туда заранее животные - лошади и домашний скот. Затем разместили солдат (и взяли подписку о неразглашении на 25 лет), а третий круг был максимально приближен к "естественным условиям" (что принципиально в методологии эксперимента) - его составили жители / жительницы близлежащих деревень (у нескольких женщин журналисты взяли интервью). Мне бы хотелось снова отметить необходимость продолжать феминистские исследования этой связи, которая соединяет (научно-медицински, дискурсивно, управленчески) тела животных, женщин, меньшинств и солдат, формируя своего рода полигон для медицинских, научных и военных экспериментов, сырье для продвижения так называемого "технологического прогресса" (И.А.).

нок, женщин азиатского и африканского происхождения. В этом смысле меня не удивляет то, что этот вопрос не становится видимым в теоретических дискуссиях, так как эти люди являются "невидимыми" и "неважными" для кого бы то ни было.

И.А. Тот факт, что Вы горько и иронично не удивлены заставляет меня содрогнуться. Сколько же еще предстоит сделать! Я могу только догадываться о том, какие эксперименты ставились над женщинами из так называемых нацменьшинств в России, особенно на коренных жителях Севера и Сибири, принимая во внимание нашу историю науки и колониализма (и практическое отсутствие интереса к таким исследованиям у русской интеллигенции).

Ф.У. Это принципиальная территория для исследований сегодня, и нам необходимо еще очень много сделать. Я постоянно предлагаю эту тему своим студенткам. Когда они мне говорят: "Вы так много сделали в семидесятые, мы не можем даже вообразить - как соревноваться с вашими достижениями и как что-то делать новое после такой сильной работы, как ваша", я отвечаю, что это, должно быть, шутка!

М.Ф. Молодое поколение сталкивается с такими новыми проблемами, которые мы даже представить себе не могли, особенно по вопросу о новых технологиях и меньшинствах.

И.А. Я часто встречала в литературе, посвященной наступившей реакции на феминизм в современной Америке, как традиционные властные структуры использовали всю свою силу, чтобы не феминизм не пустил корни на американской почве. Возможно, я заблуждаюсь, но мне кажется, что частично это многогранный результат того, о чем говорила Мария, - замалчивания вопроса об этничности / расе / различии между женщинами. Это результат "беспамятства" белых феминисток-профессионалок по отношению к женщинам вокруг них (то же самое относится к женщинам доминантного положения в других странах). Для меня это "забывание" и представляет слабость и непродуктивность феминистских интервенций и нововведений. Например, наблюдая многие женские конференции и многих феминисток, приезжающих в Москву, мне довольно редко приходилось видеть небелых женщин, приезжающих вместе с белыми, - а они ведь приезжали из США и Европы, из мест, которые известны своей разнородностью. То же самое воспроизводится и в нашем российском феминистском сообществе - каким бы небольшим оно ни было, это не вопрос о размере. Должно присутствовать настойчивое и осознанное усилие не продолжать (и бессознательно тоже) "фашизм" в нашей обыденной практике. Наши проекты и темы, какими бы они ни были отдаленными друг от друга по проблематике, не могут быть успешными, если мы не обратим внимание на этот вопрос

самым серьезным образом. Конечно, мы продвигаем лучшие условия для себя, но если мы хотим оставить долговременный след для своих (и не своих!) дочерей и в память о наших матерях (бабушках ...), мы можем этого достичь только совместными усилиями, открывая двери для разных женщин без их "романтизации" или "эссенциализации". Совместная работа, сотрудничество, работа "с", а не работа "о" / "по кому-то" - это то, что для меня остается постоянным вызовом и ежедневным поиском новых решений. Но это то, что может поддержать и укрепить наши достижения различными путями - это должно быть важно и полезно для "тебя", а не только для "меня".

Ф.У. Я тоже об этом задумывалась. Вам кажется, что это "забывание"? Я полагаю, что это своего рода подавление. Это происходит на уровнях классовых и профессиональных различий. Как мы можем достичь уровня разных женщин - это всегда большая проблема, какой уровень выбрать?

И.А. Это вопрос об открытости, о готовности принять ответственность по признанию и открытости. Я говорю студенткам, что это не вопрос о том, чтобы быть "хорошими" или "нехорошими", это вопрос об этике тех, кто находится на данный момент в привилегированной ситуации - подобно позиции русской преподавательницы к ее студентам. Основная проблема постмодернизма, с моей точки зрения, это этический вопрос, например в том виде, в каком он поставлен у Иригари вслед за Левинасом. Этика различия (и это всегда должно быть особое контекстуальное различие, как отмечала Мария - например, половое различие) - это ситуативный вопрос для тех, кто учит, пишет, распределяет средства (пусть небольшие!), исследует, "высказывается", принимает решения. Давайте проснемся - мы не говорим "о тех других", которые сами не могут артикулироваться - это довольно старый колониальный аргумент. Мы, русские, довольно долго насаждали русский язык на всех своих территориях, однако имеено мы и не можем претендовать на *разноречие* (*Бахтин, heteroglossia*) среди своих "нацменьшинств" и соседей.

М.Ф. Конечно, одной невозможно решить проблему нации. В семидесятых годах мы начинали маленькими шагами, местными связями. Это начало. Для меня вопрос сотрудничества как никогда актуален, а не только желателен. На данный момент если мы не начнем его решать, то мы ни к чему не придем. Это вопрос выживания в глобальной капиталистической экономике. Наши тела, наши права, наши способности что-то делать - все это в опасности. И данная ситуация применима не только к цветным женщинам, но к большинству. Я не замечаю этого острого восприятия со стороны белых женщин. Когда я вижу перед собой закрытые двери, я размышляю - а какова альтернатива? Можем ли мы

позволить себе сегодня сепаратизм? Я могу организовать рассылный лист в Интернете для цветных женщин - но что он даст? Изменит ли он ситуацию?

Ф.У. Сегодня нам необходима другого рода сеть сотрудничества. Следует поставить этот вопрос как центральный. Мы не можем больше сидеть в своих удобных или неудобных группах.

М.Ф. Это уже происходит с образованием таких организаций подобно SubRosa. Я на самом деле предпочитаю личное общение при подходе к этим вопросам. Когда кто-то пишет: "Я не расистка", а затем в ситуации телесной интеракции сидит передо мною вся скукожившись и в полуобороте, то я спрашиваю: "А это что?". Такая поза только при разговоре со мной?

Ф.У. Это случается в электронной сети, - где можно спрятаться. Я анализирую сейчас то, как можно эти вопросы адресовывать в интернете. Одним из моих проектов является кампания по теме о прозрачности технологии. Я считаю, что что технологию необходимо высвечивать, на нее указывать, называть ее и обсуждать ее, находя посредничества для такого обсуждения, то есть технология должна быть "уязвима". Но как? Без того, чтобы причитать в Интернете: "Я гейшьянка из рабочей семьи" и т.п. Когда я впервые познакомилась с киберфеминистками в сети, то я практически ничего о них не знала. Это анонимное общение, и то, как оно происходит - в Интернете и в электронной почте, - подавляет и замалчивает многие важные различия. Во время наших плотских встреч [flesh meetings] нам пришлось иметь дело с многими важными различиями.

И.А. Мне кажется, что необходимо различать между социально и культурно значимыми различиями - теми, которые в данном обществе становятся отметкой отношений власти, местом замалчивания или нет, признания или нет, которые часто прописаны в наших документах, на лицах и телах тех, кто на нас реагирует, и между теми различиями, которые мы часто можем выбрать, например, различиями во мнениях. В критическом дискурсе мы выделяем именно те, посредством которых превращаемся в субъектов определенного социально-правового пространства, "без спроса". А то получается, что часто слово "различие" становится еще одним все в себя включающим понятием-термином, подобно угнетению или патриархату, который снова воспроизводит уже существующие властные отношения.

М.Ф. Я думаю, что это бич девяностых. В каком-то смысле анонимность Интернета позволяет "забыться" и оторваться от своей идентичности. Однако в быту мы живем телами, и такое стирание различий на виртуальном уровне представляет собой стремление к уничтожению тех

наших различий, которые нам неприятны. Но ведь это только иллюзия, что различия становятся менее значимыми тогда, когда нам этого хочется или мы притворяемся, что это так. Если мы так себя ведем - заявляем, что различия по классу или этничности в Интернете становятся менее важными, - может быть, проявляются наши "благие побуждения", однако это совсем не то, что происходит! Различия не становятся менее значимыми в киберпространстве. Я не располагаю решением, так как я не предпочитаю подписывать свои сообщения как "такая-то и такая-то", о чем говорила Фэйт. Но вопрос должен быть поднят, и, возможно, что лучшее решение - это стратегическое сочетание различных тактик.

И.А. Например, понятие "присутствия" постоянно выбрасывается или обеспложивается (дематериализуется) в дискурсах киберпространства и кибертеории.

Ф.У. Вообще идея о виртуальном в киберпространстве - это до сих пор идея об отсутствии или замене. Один из киберактивистов из Индии интересовался связями с нашей организацией, и мы обсуждали вопрос об импортировании новых технологий в Индию и о том, как они распространяются. Население этой страны может стать своего рода подопытным для экспериментирования чего угодно. Мы договорились, что он расскажет денским организациям, с которыми он связан, о нашей организации, чтобы мы могли начать сотрудничество. И в наших отношениях уже присутствует специфичность, конкретность. На встрече обсуждали вопросы наших контекстов и условий и как новые технологии влияют на жизнь женщин. Хорошо бы иметь прямые контакты между нашими группами. Не просто "упоминать" о других женщинах в своих узких дискуссиях, а обмениваться информацией и опытом, чтобы искать различные пути изменения ситуации.

И.А. Кибертеория в некотором роде похожа на американскую войну в Персидском заливе "Буря в пустыне". Возможность возбуждаться от того, что отсутствует необходимость сказать "до свидания", прежде чем нажать на кнопку на компьютерной клавиатуре: обладать властью "включить" или "выключить" встречу с кем-либо или чем-либо в любой момент. Похоже на фурор той войны - убить того, кого не видишь ни до, ни после, ни во время акции. Вопрос об ответственности в киберпространстве постоянно избегается, уклоняется, опосредуется без поиска посредников для подхода к нему. Не кажется ли вам, что это избегание вопроса об ответственности в кибертеории воспроизводит в каком-то смысле западное стремление уклоняться от ответственности, о котором уже пишется? Когда мы празднуем то, что киберпространство позволяет нам, как предполагается, "бестелесные" виртуальные трансформации и общение, иногда создается впечатление, что Интернет празднуется

именно *потому*, что он (как бы) дает такие возможности. Конечно, я не стараюсь здесь морализировать или демонизировать Интернет, и все же - то, что до сих пор о нем празднуется и выбор тем, по которым им восхищаются, те его качества, которые были объявлены постмодернистскими и положительными в кибертеории, - вторят именно тем дискурсам, которые призывают к классическим страхам и беспокойствам христианских культур, особенно по контролированию инаковости и владению над своей телесностью до одержимости - и одно из понятий, которое здесь приходит мне на ум, это "сексуальность".

Ф.У. В этом-то и дело, что если не принимать во внимание "тело", телесность, тогда можно делать все что заблагорассудится! Это превращается "просто" в идею, это *идеально*. Мы возвращаемся к тому первичному раздваиванию между мышлением и материей, и снова воспроизводятся картезианские дуализмы. Это постоянно проигрывается даже там, где предполагается какое-то нововведение в искусстве с применением новых технологий, например, в перформансах Стеларка, - тело для жертвоприношения.

М.Ф. Я согласна, что в этом подходе много христианского. Мне хотелось бы добавить, что на деле в Интернете не все так абстрактно. В одном из рассылочных листов для женщин участница из Бразилии, занимающаяся искусством, сделала критическое замечание по поводу отсутствия признания и чувствительности к этническому различию в этом сетевом сообществе и по расистским высказываниям, но это было проигнорировано, однако позднее этот вопрос поднимался (и обсуждения доминировали европейки и американки). Мне известно, что если твое имя имеет связь с этническими меньшинствами в определенном социальном контексте, то тебя маргинализуют [вытесняют на края данного сетевого сообщества].

И.А. Имеено поэтому я и настаиваю на том, что тело проявляется везде в киберпространстве и намного больше, чем нас стараются убедить. Пользователи постоянно стараются угадать друг у друга пол, возраст, откуда они родом. Часто киберактивисты и интернет-мальчики заморожены тем, что их собеседники / киберконтакты *на самом деле в данный момент* находятся очень очень далеко - где-нибудь в Южной Америке. Они ускоряют свое "балдение", сидя в Нью-Йорке, например. Мне особенно запомнилось одно выступление на конференции по новым медиа. Участница говорила о проблемах и возможностях инвалидов по отношению к новым технологиям, и в частности она коснулась темы телесности и того, как ее исчезновение или трансформации празднуются в некоторого рода кибердискурсах. Эти дискурсы, по ее мнению, причиняют ущерб инвалидам как в политическом, так и в онтологическом смысле. Ей бы хотелось видеть больше факультетов в универ-

ситетах с названием "Инвалидные исследования", которыми бы руководили и в которых работали сами инвалиды, а не "специалисты / эксперты" по социальной работе. Она подчеркивала как раз "валидность" / дееспособность нетипичных людей по отношению к дискурсам о них другими, дееспособными, теми кто сейчас капитализирует в университетах, фондах и в рекламе по этой теме. Это ведь политический вопрос - вопрос властных отношений, когда мы сидим около своего компьютера. Мы можем предугадать много ответов и играть со своими фантазиями и прогнозами в киберпространстве.

М.Ф. Я замечала не раз, что мое имя прочитывается особым образом: я латиноамериканка, меня также можно принять за испанку, но в США и в Западной Европе меня мгновенно определяют как "Латину". Это, в свою очередь, сразу ассоциируется со специфическим набором стереотипов, по крайней мере для американцев. Недавнее исследование показало, что в интернет-сообществах, в которых напрямую не затрагиваются темы расовых отношений, афро-американцы часто предпочитают оставаться анонимными. Автор исследования спрашивает - это что, случайность, которая не имеет значения? В прошлом, в семидесятых, когда ты стараешься "слиться с толпой" и предать забвению свои корни и гибридное наследие означало попытку быть принятой в расистское общество.

Ф.У. Это случается постоянно во время приема на работу преподавательского состава. Руководство знает, что они должны "притвориться", что у них нет предвзятости по отношению к меньшинствам и к женщинам. Они принимают ваши документы, долго смотрят на слайды художников, и там, где нет очевидной связи тематики и этничности / расы, они начинают спрашивать: "А этот человек черный, как вы думаете?" И это очень распространено.

М.Ф. Это настолько стало "общим местом", что часто вопросы задаются открыто.

И.А. Имея российский паспорт, мне тоже хорошо знакома такая ситуация, особенно с тех пор, как я взяла девичью фамилию своей матери.

Ф.У. Я меня девичья фамилия моей бабушки!

И.А. Один из моих английских друзей настаивал, что моя фамилия на самом деле фамилия моего деда. Я ответила, что я не знала своего деда и для меня это фамилия моей матери, а то, как он предпочитает это видеть, - его выбор, который может уважать или не уважать мое видение. Но так как мы существуем социально только посредством документов, принимая во внимание сложности с пересечения границ у носителей российского паспорта, я теперь заполняю дополнительные формы

для въезда в "демократические страны первого мира". Гораздо проще пересекать границы в качестве чьей-то жены или дочери, чем по фамилии, которую мы сами себе выбираем.

При всем при этом женщинам проще изменить фамилию / имя, чем мужчинам, по крайней мере в России. Идея о перемене женской фамилии привычна и "нормальна", и часто женщины этим пользуются для своих целей. В свою очередь у мужчин стабильная социальная идентичность, создание "твердой" субъектности, в которой имя отца играет ключевую роль превращает перемену фамилии в знак девиации, а иногда и преступности. В России мужчины как правило меняли свои фамилии для того, чтобы они звучали более "русскими", как в случае с Каспаровым, например. Вопрос о перемене фамилии - это вопрос о властных отношениях в определенном обществе и о "работнике иммиграционной службы" / "паспортного контроля", это вопрос о пересечении и определении социальных, политических и государственных границ.

М.Ф. Опыт показывает, что становится все труднее пересекать границы, особенно при въезде в Германию. Были отмечены случаи, когда водители такси обвинялись в перевозе через границу иммигрантов, и поэтому сегодня они по одежде и внешнему виду стараются определить степень "пропускаемости" и "благонадежности". Иммиграционная служба рекомендует такую практику "суждения по виду", которая кажется мне очень опасной.

Поэтому я еще раз подчеркиваю, что сетевое общение позволяет фантазировать, но эти утопические мечты не могут решить наших проблем. Нам необходимо как раз сознательно идти на обсуждение вопроса о том, что происходит на границах. Мне стало известно, что в Германии установили телефонные линии, по которым можно позвонить в любое время для или ночи и донести на тех, кого вы подозреваете в незаконном проживании, на "чужаков". Приграничное население принимает активное участие и относится к этой акции с фурором. Когда я делала пометки на полях этих документов, то не могла поверить, что такое может еще происходить. Нам следует воспользоваться всеми преимуществами технологии и ее потенциала, но при этом сохранять свою бдительность по вопросам происходящего ежедневно. Если мы не будем об этом помнить, то существует реальная угроза веры в утопическое бестелесное общение без анализа тех безобразий, которые происходят на границах.

Ф.У. Это настоящий вызов для новых технологий и пропонентов виртуальности, которые стараются с этими фактами не сталкиваться, одновременно рассуждая об "исчезновении границ" и пересечении границ, что также стирает воплощенность присутствия. Как раз в эру виртуальности, когда ты можешь захлебываться от восторга по ее поводу,

мы наблюдаем с небывалой настойчивостью воскрешение понятий национальности, нации и национального государства. Мне представляется, что эта тактика виртуальности довольно цинично используется капитализмом, правительствами и военными для собственного укрепления новыми разнообразными средствами.

В одном из старых номеров "Октября"* был опубликован Круглый стол по феминизму и искусству. В определенный момент разговора Мэри Келли рассуждает о том, что сегодня некоторые из нас достаточно привилегированы и благополучны, чтобы не думать о себе, как о женщинах. Она имела в виду видимо то, что нам не нужно более думать о себе в этой сконструированной манере, мы можем позволить себе отбросить все эти конструкты "женственного" и "женского", мы уже находимся за пределами гендерных ролей. И одна из участниц сразу же ей напомнила обо всех тех женщинах, которые не могут позволить себе эту привилегию, эту роскошь. Меня это сильно задело - вопрос теперь в том, что когда Вы, Мэри Келли, можете себе позволить отбросить сконструированное понятие "женщина", не накладывает ли это на Вас огромную ответственность? Гораздо большую, чем раньше?

М.Ф. Мы возвращаемся к вопросу об "эмоциональном" и о том, что политическое всегда является также и эмоциональным. Я постоянно замечаю, что на нас находит беспамятство по отношению к "сочувствию"; сочувствие как часть политики. Без сочувствия политика невозможна.

Ф.У. Я писала статью по теме отношения молодых женщин и феминизма и о тех проблемах, которые я вижу в этом отношении. Одна из распространенных теперь вещей - это уничтожение термина "феминизм", который все чаще превращается в разговорах в "эту букву Ф".

И.А. Мои российские коллеги, интересующиеся данными темами, часто просят меня не пользоваться "этим" словом, говоря: "Делайте в своих исследованиях что хотите, это очень интересно, но не называйте это "феминизмом". Многие просто параноидально боятся, иногда даже женщины из "гендерных исследований" просто не могут его произнести, написать или отнести к себе и своим исследованиям.

Ф.У. То же самое наблюдается и в искусстве. Некоторые женщины, достигшие славы и узнаваемости, не хотят ассоциироваться с феминизмом, даже если они пользуются традицией и темами, начатыми феминизмом. Например, они пользуются феминистским стилем без признания или ссылок. Они присваивают феминизм без исторического экскурса

---

* *October* - лидирующий американский журнал по теории и истории современного искусства

са или представлений о том, откуда это исходит, или просто отказываются говорить об этом на публике. Мы довольно много обсуждали этот вопрос с Мирой Шор. С одной стороны, это то, ради чего мы боролись - молодым девушкам не придется больше иметь дело с теми проблемами, какие были у нас. И теперь, когда они не хотят об этом задумываться - не должны ли мы быть рады этому? И почему тогда мы волнуемся? Однако на самом деле мы испытываем на себе огромную негативную реакцию на феминизм, и, несмотря на то, что мы много опубликовали, написали, создали и научили, редко у кого из нас есть работа - настоящая, стабильная, уважаемая и признанная работа в университетах.

И.А. Похоже, что феминистки в социальных и гуманитарных науках оказались более успешными, чем женщины в искусстве, не кажется ли вам?

Ф.У. Да, факультеты Женских Исследований пример этому, в то время как свой феминистский мастер-класс для художницы в престижном институте искусств - это все еще из ряда выходящее явление.

И.А. Не так давно мне пришло приглашение на выставку, которое гласило, что в выставке будут принимать участие женщины, куратором будет мужчина, и они все *горды* тем, что выставка не будет иметь *ничего* общего с женской проблематикой! У художниц-участниц была такая одержимость заявить о своем отношении к данной теме, что они сделали это фундаментом своего выставочного приглашения. Им настолько отчаянно хотелось разорвать все связи с "собой", как с "женщиной" (по их собственным словам), и все связи с многочисленными женщинами в искусстве по всему миру для того, чтобы принести все это на алтарь так называемых "нейтральных человеческих ценностей" под руководством Человека и представляться, собственно, кем? Еще раз: "Кто боится Вирджинии Вулф"?

Ф.У. Это также относится к тому "Ф" слову. Говорят, что отождествление или идентификация как женщин или как феминисток, настойчивое утверждение своего различия просто служит укреплению тех делений между нами, и не лучше ли вообще от них избавиться? Принять позицию "Я - человек" и "я собираюсь говорить о разных вещах" без самоидентификации каким бы то ни было образом видится все еще как успешный путь избегания отождествлений. Мне кажется, что это довольно упрямая позиция для дискуссии, особенно в среде молодых женщин.

М.Ф. Я согласна, и это похоже на утопию о равенстве в киберпространстве. Идеально мы к этому стремимся, и для меня не будет ничего более желанного, чем моего общения с женщинами разных этнических и классовых происхождений и отношения к ним просто, как к людям.

Однако в нас до сих пор таится колониальное прошлое, которое не исчезнет по нашему желанию. Необходимо над этим работать.

И.А. Я довольно осторожно отношусь к понятиям типа "люди" или предполагаемой универсальности и нейтральности фраз типа "Я - человек", как будто бы они не включены в определенную традицию отождествления / идентификации. Мне часто приходится слышать этически как бы "чистые" аргументы типа: "Мне не важно, кто передо мной - белый или черный - это прежде всего человек, личность". Часто такая позиция - это другой способ перекрытия возможностей для обсуждения тех различий, которые уже всегда существуют между нами в определенном социально-политическом контексте, а если их заранее нивелировать понятием (только кажущимся всеобщим) человека или людей, то путь к возможному проговариванию различий становится закрытым. Так, очень важным вопросом для меня остается то, как определенно прописанные различия принимают иерархические и нравственные значения в данном обществе. Мне наоборот хотелось бы видеть различия между женщинами в России как источник новых встреч и творений без подведения их под какое-либо понятие типа "человек", особенно в контексте исторического и дискурсивного нивелирования инаковости под понятием "народ" в России.

М.Ф. Я как раз это и имела в виду. Для меня самое положительное переживание - это находиться с разными людьми в городе, что позволяет эти различные опыты. В то время, как находиться в однородном месте, удивительно скучно!

Ф.У. Желательно не уничтожать различия, но достичь того, чтобы из-за них не убивали!

М.Ф. Мне кажется, что мы также постоянно укрепляем гендерный и культурный эссенциализм. Китайца попросят рассказать о китайской культуре с уже презаданными стереотипами этой культуры. Женщину просят выразить то, что "женщины об этом думают", бездомного - о деклассированном мнении и так далее. Я считаю, что это унижительно. Часто в противовес такой практике возникают вопросы типа: "А что натуралы думают по этому поводу"?

И.А. На одной европейской конференции один из участников сказал о том, что хорошо, мы услышали здесь мнение представителей европейской части Азии, - очевидно, стараясь указать на этот очень уязвимый компонент. Да, очень часто мы не оставляем места друг другу для проявления различий других до нашего стереотипного решения по их поводу. Так, вас могут спросить: "Мария и Фэйт, вы из феминизма семидесятых, и поэтому расскажите нам о том, как вы превратили женщину в жертву и как вы жгли бюстгальтеры и внедряли мужененавистниче-

ство, называли все политическим и так далее", - что высветит все те предрассудки и установки, которые сложились по поводу феминизма семидесятых и с которыми легче его просто забыть или оставить, превратив во что-то единое целое. Такое стремление к забыванию и объединению разнородностей говорит больше о его носителях, чем о вас. кстати.

Ф.У. Меня постоянно записывают в "такой" феминизм, что для многих значит носить фиолетовую одежду без белья, курить как паровоз, быть страшной и фригидной или наоборот распушенной. Мне приходится постоянно продираться сквозь эти предрассудки. И тот факт, что я продолжаю поднимать вопросы о феминистской истории и "слишком" о ней напоминаю, многих раздражает - поэтому меня и начинают "прописывать".

И.А. Для меня это вопрос о матереубийстве - стремлению стереть из памяти или сделать застывшей в определенных конструкциях женское наследие и женскую историю. На такое стирание затрачивается большая культурная (символическая и физическая) работа. Поэтому такие встречи и обсуждения важны для нашего выживания, и я благодарю вас за время и за ваш вклад.

Перевод с английского И. Аристарховой

Сведения об авторах

Аристархова Ирина - кандидат социологических наук, магистр социологии (MA, Warwick University), руководительница Центра Женских Исследований ИСИТО.

Ярошенко Светлана - кандидат социологических наук, заведующая отделом Экономической социологии Института Социально-Экономических и Энергетических Проблем Севера Коми Научного Центра Уральского отделения академии наук.

Брайдошти Роза - профессор, директор Факультета Женских Исследований Университета Утрехта (Utrecht University, Holland), одна из основательниц теорий полового различия и номадизма .

Уайлдинг Фэйт (Faith Wilding) - художница, активистка и писательница, работающая в разных дисциплинах. Основоположница движения феминистского искусства 70-х и член киберфеминистской организации Old Boys Network. Она в настоящий момент участвует в работе активистской группы subRosa, организуя симпозиумы, публикации и акции на темы биотехнологии и телесности. ><http://www-art.cfa.cmu.edu/www-wilding/>>

Фернандез Мария – искусствовед, специализирующаяся в постколониальных исследованиях, теории электронных медиа, латиноамериканском колониальном и современном искусстве, а также в смежных областях. Она получила докторскую степень (Ph. D.) от Колумбийского Университета в Нью-Йорке в 1993 году и с тех пор преподавала в различных учебных заведениях, включая Колумбийский Университет, Университет Питтсбурга, Карнеги Меллон Университет и Университет Коннектикута. В настоящее время она живет и работает в Питтсбурге, штат Пенсильвания.

Омельченко Елена - кандидат философских наук, доцент Ульяновского Государственного Университета, руководительница НИЦ «Регион».

Ушакин Сергей – докторант Колумбийского Университета (Нью-Йорк).

Тшавская Елена - аспирантка кафедры социальной работы Саратовского Государственного Университета

Киблицкая Марина - доктор социологии (Ph.D. Warwick University), кандидат социологических наук, научный сотрудник ИСИТО.

ЖЕНЩИНА НЕ СУЩЕСТВУЕТ: Современные исследования полового различия

Под редакцией **И.Аристарховой**
Ответственная за выпуск **С.Ярошенко**

Электронная версия: <http://www.komi.org>

Редактор **С.Б. СВИГЗОВА**
Компьютерный макет **Д.А. ТРОФИМОВ**

Подписано в печать 25.06.99.
Лицензия ЛР № 020283 от 25.02.98.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Бумага тип №2.
Усл.п.л. 9,9. Уч-изд.л. 9,7
Тираж 400. Заказ №87

ИПО СГУ. 167001. Сыктывкар, Октябрьский пр.,55